

АВАНГАРД В «ОКОВАХ» ВОЛИ: СУПРЕМАТИЗМ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА И ЗЕНИТИЗМ ЛЮБОМИРА МИЦИЧА

© 2020 г. Н.В. Злыднева

Д-р искусствоведения, зав. отделом Института славяноведения РАН

natzlydneva@gmail.com

В статье рассматривается концепт *воля* в поэтике исторического авангарда. На основе сопоставительного анализа коннотаций словоформы *воля* в поэзии Казимира Малевича и неологизма *варварогений* в манифестах Любомира Мицича (южнославянский авангард) выдвигается идея о типологической близости художественных феноменов первой трети XX в., удаленных в пространстве и различных по формам проявления.

The article discusses the concept of *will* in the poetics of the historical avant-garde. On the basis of a comparative analysis of the connotations of the word *will/volition/freedom* ('*volya*' in Russian) in Malevich's poetry and the neologism invented by Lubomir Micić (the South Slavic avant-garde), the idea of a typological proximity of the two artistic phenomena of the twentieth century, remote in space and different in forms of manifestation, is put forward.

Ключевые слова: воля, авангард, поэзия, Малевич, южные славяне, Зенит, Мицич.

Keywords: will, avant-garde, poetry, Kasimir Malevich, South Slavs, Zenit, Lubomir Micić.

DOI: 10.31857/S0869544X0008128-3

Концепт *воля* всего ярче обнаруживает себя в практике и теории исторического авангарда. Все семантическое поле слова *воля* можно свести к двум значениям: 1) *воля как свобода (отсутствие преград)* и 2) *воля как воление, т.е. желание-устремление субъекта*. В авангарде *воля* часто синонимична *свободе*, в соответствии с которой новое искусство освобождается от императива вчерашней (но не позавчерашней!) традиции, присвоения капиталом/идеологией/властью привязанности к предмету (в случае изобразительного искусства) и внетекстовому референту (во всех остальных случаях) и т.п. Между тем, тот же концепт *воли* выявляет и противоположную тенденцию — общеизвестную генетическую связь авангарда с символизмом, и тут реализуется преимущественно второе значение слова — *воление* как изъявление *желания-устремления* субъекта. В аспекте реализаций этих двух семантических кластеров интересно рассмотреть творчество позднего Казимира

Малевича, лидера наиболее радикального прорыва в русской и европейской истории искусства начала прошлого века.

Несмотря на обилие научной литературы о Малевиче, на сегодня все еще остается во многом загадочным последний период его творчества, а именно, причины отхода художника от супрематизма в 1929–1933 гг. и его обращения к фигуративной сюжетной композиции с обилием различного рода символов (крестов — в том числе православных, геральдических знаков, сакральных чисел 2 и 3, архаической цветовой символики — красное/белое/черное). Столь резкий разрыв трудно объяснить, опираясь только на данные изобразительного искусства. Однако свет на его причины может пролить литературное творчество Малевича, т.е. поэзия художника — вербальные тексты, которые в данном случае выступают как параллельный код «дешифровки». Словоформа *воля* в рассматриваемых текстах Малевича играет ведущую роль.

Поэтическое наследие Малевича не обширно, но разнообразно по форме: здесь и заумные стихи, и «дачные» вирши, и те, которые занимают промежуточную позицию между стихом и трактатом, и визуально-вербальные конструкции, предвосхищающие московский концептуализм 1970-х годов. Среди этого корпуса текстов мы остановимся на произведениях, написанных белым стихом с четким графическим разделением строк и ритмически повторяющимися однокоренными словами. Эти стихи написаны в конце 1910-х и начале 1920-х годов, т.е. предшествуют повороту мастера к фигуративной живописи примерно на десятилетие.

Воля попадает в число наиболее частотных слов-мотивов в поэзии Малевича. Среди других — *мир* и *планеты* (*луна* и *солнце*), *земля*, *вещь*, *бег*, *ветер* и *пыль*. Распределение по универсальным противопоставлениям следующее: *планеты* отнесены к *верху*, *земля* — к *низу*, первое отмечено позитивно, второе — негативно. Но при этом возникает оксюморон: земля — это одновременно и планетарное явление, и низовая стихия: «Не забывайте, что земля — одна из пылинок среди солнечного скипетра и что целое-единица есть весь мир под скипетром солнца» [1. С. 80]. *Вещь* занимает срединную позицию между небом и землей (*мир* — по Малевичу — это тюрьма вещей), тяготея к низу, а *пыль* (*распыление*) представляет собой агента хаоса, из которого рождаются вещи (распыление мира предшествует новому космосу, наводящему правильный — авангардный — порядок, пришедший на смену старому миру), но последние — принадлежность земли, и от них художнику нового мира, равновеликому верховному Творцу, следует освобождаться.

Особенный интерес представляет словоформа *пыль* и ее производные. Как известно, мотив *пыли* — один из самых распространенных в поэзии русского символизма [2; 3]. У первого поколения символистов *пыль* связывается с тварным, низовым началом (Брюсов), у второго поколения, напротив, *пыль* — зачастую *звездная пыль* — отсылает к верху и обладает выраженной динамикой, соединяясь с мотивом *ветра* и *смерти* как экстатического конца (Белый, Блок). *Ветер* и *бег* — значимое сочетание мотивов у Малевича, обнаруживающее автореференциальную семантику. В его стихотворении 1921 г. «Я нахожусь в 17 верстах от Москвы» читаем: «Так зачался я неустанный бег иду к опровержению / обеспеченности знаков смертию [...] и мчу себя сокрушая и выпрямляя. / Я стал тем чем бывает ветер» [1. С. 104]

От этого ницшеанского Я Малевича и метаморфоз *пыли* — рукой подать до *мировой воли*, которую — по версии супрематиста — вершит Художник нового мира. Воля связывается с творческим началом (человека и мира), сообщает миру антропоморфный масштаб, отнесена ко всему новому и сильному. В стихотворении

«Мы разграничили» (1918) воля — это условие освобождения от оков традиции в искусстве: «Мы [...] всегда вели войну с поработившими волю и сознание Академизмом заковавшим / волю оковами вещей» [1. С. 101]. Во фрагменте 1917 г. читаем: «Но самое интересное из всего созданного — Человек» [1. С. 84], а далее встречаем слово *воля* в сочетании со словами *творчество* и *искусство*: «распростайте [так!] шире плечи воли и осветим / себя сознанием и дадим новый день нашего / искусства и будет он нашим лицом» [1. С. 85].

Из приведенных примеров видно, что *воля* в текстах Малевича не синонимична *свободе*, а наследует понятия философии XIX в., в частности теорию искусства А. Ригля, оперировавшего понятием *Kunstwollen* — непреодолимого внеличностного закона смены стилей исторической эпохи. По своему контекстуальному содержанию концепт *воля* — это знак глубинной связи Малевича с символизмом. Можно говорить, таким образом, о том, что поэзия Малевича конца 1910—1920-х годов указывает на след символизма в поэтическом мышлении художника, что в конечном итоге вылилось в символические формы живописи. Разумеется, символизм был отринут, преодолен, перечеркнут в супрематизме. Возвращение к символистическому типу миропонимания в поздней фигурации следует рассматривать как не возврат к собственно символизму, а как новый виток символистической мифопоэтики.

Концепт *воля* Малевича интересно сравнить с идеей свободы в манифестах южных славян, а именно — в авангардистском журнале «Zenit», выпускавшемся в 1920-е годы в Загребе, а затем в Белграде. Основатель этого журнала и теоретик авангарда Любомир Миич не оперировал словами *воля* или *свобода*. Концепт проявился в его текстах косвенным образом — в форме художественного жеста как призыва завоевать Европу балканскими «варварами». Он даже придумал термин «варварогений», и этот неологизм реализовывал значение *волевого* поведения художника новой формации. Смысл инволюции для югославянских авангардистов — возвращение к архаическим эпохам с целью сбросить с себя оковы миметической традиции и оздоровить дряхлеющую Европу молодой кровью развивающихся славянских культур. «Зенитизм — это искусство свободного духа [...], это новое искусство Балкан и освобождение Варварогения» [4. S. 1]. Концепт *воли* у Л. Миича, таким образом, имплицитно связан с первым значением *воли* и с концептом *свободы*. Но эта *свобода* — слияние с природным началом, с погружением во времена синкретизма, поднятого на штык еще символизмом. Если Малевич зовет вперед и призывает к *воле* в смысле усилия духа в созидательном труде, Миич — назад, к до-культурной общности людей, к *воле* как свободе и дикарской необузданности, т.е. скорее к *вольнице*, чем к *воле*.

Сравнение словотворчества русского и сербского художников показывает, что концепт *воля* в славянских культурах многомерен: он позволяет обнаружить глубинную связь исторического авангарда с символизмом, одновременно преодолевая и заново утверждая последний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Малевич Казимир. Поэзия / Составление, публикация, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и примечания А.С. Шатских. М., 2000.
2. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.
3. Ханзен-Лёве А. Мифопоэтический символизм. Система поэтических мотивов. СПб., 2003.
4. Micić Ljubomir. Zenit-manifest // Zenit. Internacionalni časopis za novu umetnost. 1922. № 11.